

Политический заговор как предмет философской рефлексии

© А.В. Коломиец

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Обоснована актуальность изучения феномена политического заговора в проблемном поле философии. Заговор рассмотрен в контексте проблемы детерминации исторического процесса. Особое внимание уделено определению рамок понятия «заговор», роли заговора в структуре политического действия, а также особенностям формирования знания о заговорах в массовом сознании и научном дискурсе. Обозначена позиция актуальности данного круга вопросов, раскрыта значимость дальнейшего осмысления политического заговора в содержании современной философии.

Ключевые слова: политический заговор, детерминация истории, форма политического действия, структура власти

Политический заговор представляет собой особую форму политической практики, обладающую способностью оказывать существенное влияние на ход исторических событий. На протяжении всей истории заговоры сопровождали смену режимов, перераспределение власти и трансформации политических систем. Однако, несмотря на реальную или приписываемую эффективность, философское осмысление заговора остается фрагментарным и концептуально неустойчивым. В большинстве случаев заговор рассматривается как вспомогательный мотив в рамках более общих тем — власти, насилия, легитимности, событийности, идеологии и т. д. В результате феномен политического заговора остается на обочине теоретического исследования, что заставляет обратиться к более глубокому изучению данного вида политической практики.

Необходимость обращения к проблеме заговора в масштабе философского дискурса обусловлена рядом обстоятельств. Прежде всего феномен политического заговора должен быть рассмотрен в общем контексте проблемы детерминирующих факторов исторического процесса, их явных и скрытых механизмов. Таким образом, тема политического заговора открывается в русле размышлений об отношении объективного и субъективного начал в истории. В поле зрения попадает весь спектр вопросов, связанных с пониманием места заговора как специфической формы политического деяния в структуре

социальной реальности и в отношении к формам и уровням общественного сознания, актуальной политической культуре и историческим традициям взаимодействия власти и общества. Философское осмысление заговора становится инструментом для выявления скрытых механизмов политической реальности и прояснения условий, в которых формируются интерпретации истины, легитимности и власти. В результате такого подхода открывается возможность выйти к понятийной фиксации феномена политического заговора.

Разумеется, большинство названных аспектов получили освещение в ходе развития философской мысли. Так, у Н. Макиавелли [1] и Б. Спинозы [2] заговор выступает как неизбежный элемент борьбы за власть. В новейшей философии свою интерпретацию феномена заговора предлагает К. Поппер [3]. Для него вера в заговор — это выражение архаического способа объяснения мира и форма псевдонаучного мышления. Философия постструктурализма, особенно в трудах М. Фуко [4], Ж.Ф. Лиотара [5] и Ж. Бодрийяра [6], демонстрирует другой подход. Здесь внимание сосредоточено на тайных структурах власти, распределении знания и стратегиях контроля, где заговор становится моделью, через которую артикулируется напряженность между видимым и скрытым. Неомарксистские теоретики, такие как С. Жижек [7] и Л. Альтюссер [8], рассматривают заговор как проявление скрытых структур власти, которые формируют идеологические конструкции и способы восприятия реальности. Исследования Р. Хофштадтера [9], П. Найта [10], А. Дугина [11], развивающиеся на пересечении философии, культурологии и политологии, все чаще трактуют заговор не только как политическое событие, но и как устойчивую нарративную форму. Резюмируя краткий анализ литературы, стоит отметить, что хотя заговоры регулярно фигурируют в политической истории, философия лишь эпизодически обращается к ним как к самостоятельному предмету, что создает необходимость обобщения и систематизации результатов.

Анализ столь дивергентных подходов показывает, что заговор — это не только эпизодическая форма политического насилия или инструмент тайных манипуляций, но и особая структура действия, способная оказывать устойчивое воздействие на ход исторического процесса. Он представляет собой скрытую, но активную форму исторической детерминации, в которой соединяются воля, стратегия, конфликт интересов и специфика социальной непрозрачности.

Очевидно, заговор может выступать как проявление субъективного начала в истории. В контексте заговора осуществляется мобилизация индивидуальной воли в направлении совместного действия, оформленного через коллективный аффект и политическую солидарность. В таких условиях создается специфическое политическое «мы», действующее в условиях тайны и риска, что позволяет

рассматривать его как механизм генерации субъектности, превосходящей институциональные рамки [8].

Заговор может быть также симптомом кризиса легитимности, внутреннего распада политической системы или предельной концентрации власти. Он возникает как ответ на неспособность публичных форм политического урегулирования выразить реальные противоречия. Таким образом, заговор не только трансформирует историю, но и диагностирует внутренние пределы и напряжения исторической конфигурации.

Следует отметить, что заговор в определенных социальных и политических условиях принимает устойчивый и структурный характер. В обществах с хронической нестабильностью или дефицитом институтов открытой демократии он становится квазинормальной формой политического воспроизводства. Заговор утрачивает исключительность и начинает функционировать как регулярный механизм смены власти и перераспределения влияния [1, 2].

Наконец, заговор конструирует нарратив в историческом сознании. Он часто интерпретируется как объяснительный принцип, приписывающий целенаправленность событиям, кажущимся хаотичными. В этом смысле он выполняет роль семантической конструкции, позволяющей ретроспективно упорядочивать историческое знание [12]. Заговор, таким образом, занимает двойственное положение: он одновременно присутствует в истории и формирует ее интерпретацию. С этих позиций заговор предстает не как аномалия, а как философски значимая форма политической причинности, встроенная в ткань исторического становления. Его исследование требует не столько эмпирического опровержения или подтверждения, сколько выявления глубинных логик, в рамках которых он обретает свою действенность. Таким образом, проблема заговора выходит за пределы фактологического анализа и затрагивает более широкие вопросы структуры политического знания. Это открывает пространство для концептуального анализа, направленного на осмысление самой возможности знания о скрытых механизмах власти.

В свою очередь, философская рефлексия над феноменом заговора неизбежно сталкивается с когнитивными затруднениями, связанными как с природой самого объекта, так и с условиями его постижения. Заговор, по определению, действует в тени — он не стремится быть обнаруженным, а потому ускользает от эмпирической верификации. Это делает его знание парадоксальным: оно существует на стыке между реальностью и интерпретацией, между фактами и подозрениями. Граница между реальным заговором и мнимым представлением о нем размыта, и эта размытость является не столько следствием когнитивной ошибки, сколько выражением самой природы политического знания, которое всегда частично, ситуационно и подвержено стратегическим искажениям [7].

Подводя итог, следует отметить, что философская актуализация темы политических заговоров представляет собой попытку вернуть этому феномену не только историческую, но и категориальную значимость. Заговор в контексте данной статьи выступает не как эмпирический факт или сенсационная гипотеза, а как форма социального действия, структура интерпретации и симптом определенного способа мышления о мире. Рассмотренный в историко-детерминистской и эпистемологических перспективах, он обретает многослойное философское измерение, требующее осмысления на стыке политической философии, теории познания и критики идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Макиавелли Н. *Государь*. Москва, Наука, 1990, 84 с.
- [2] Спиноза Б. *Этика*. Москва, Мысль, 1979, 352 с.
- [3] Поппер К. *Открытое общество и его враги*. Москва, Прогресс, 1992, 896 с.
- [4] Фуко М. *Археология знания*. Москва, Интеракт, 1996, 327 с.
- [5] Лиотар Ж.-Ф. *Состояние постмодерна: отчет о знании*. Москва, Республика, 1997, 184 с.
- [6] Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляция*. Москва, Прогресс-Традиция, 2004, 240 с.
- [7] Жижек С. *Паранойя как форма истины*. Москва, Логос, 2006, 256 с.
- [8] Альтюссер Л. *За Маркса*. Москва, Прогресс, 1972, 384 с.
- [9] Хофстедтер Р. *Параноидальный стиль в американской политике и другие эссе*. Москва, Гарвардский университет, 1996, 314 с.
- [10] Найт П. *Теории заговора в американской истории: энциклопедия*. Москва, ABC-CLIO, 2003, 925 с.
- [11] Канетти Э. *Масса и власть*. Москва, Прогресс, 1991, 496 с.
- [12] Дугин А.Г. *Конспирология (наука о заговорах, секретных обществах и тайной войне)*. Москва, Евразия, 2005, 366 с.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Коломиец А.В. Политический заговор как предмет философской рефлексии. *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 4. EDN YGEATS

Коломиец Артем Валентинович — ассистент кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: artemiykolomiets@gmail.com